

ГОЛОСА ВАРШАВСКОГО ГЕТТО

Мы пишем
нашу историю

Emanuel Ringelblum
Władysław Szlengel
Josef Kirman
Shimon Huberband
Peretz Opoczyński
Leyb Goldin
Chaim A. Kaplan
Gela Seksztajn
Henryka Łazowert
Stefania Grodzieńska
Yitzhak Katzenelson
Rabbi Kalonymus Shapira
Abraham Lewin
Israel Lichtenstein
Yehoshue Perle
Maor
Rachel Auerbach
Под редакцией
Дэвида Г. Роскиса

Сборник

Голоса Варшавского гетто.

Мы пишем нашу историю

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67216371

Голоса Варшавского гетто. Мы пишем нашу историю. Под ред. Дэвида

Г. Роскиса: Книжники; Москва; 2022

ISBN 978-5-906999-75-7

Аннотация

С 1940 по 1943 год в Варшавском гетто существовала подпольная группа «Ойнег Шабес». Методичному истреблению евреев участники группы противопоставили свою работу историков и архивистов, задавшись целью собрать и сохранить и свидетельства огромной, разноликой еврейской культуры Восточной Европы, и свидетельства ее уничтожения. Рассказы очевидцев и фотографии, хроники и дневники, проза и стихи, рисунки, проповеди и анекдоты, программы творческих вечеров и подпольные курсы валют, трамвайные билеты и обертки от конфет, меню ресторанов и продуктовые карточки, собранные за три года, были тщательно упакованы и спрятаны в три тайника. После войны удалось обнаружить только два из них. Работы по расшифровке уникального архива продолжались несколько десятков лет, публикация 36 томов завершилась в 2018 году.

В сборник, составленный профессором Дэвидом Г. Роскисом, вошли произведения и документы, рассказывающие о Холокосте голосами его первых исследователей – самих жертв – «от первого лица, в реальном времени, вопреки времени и на все времена».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Сэмюэл Д. Кассов	5
Хронология	15
Дэвид Г. Роскис	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Голоса Варшавского гетто. Мы пишем нашу историю Под ред. Дэвида Г. Роскиса

*Памяти Лейба и Эстер Рохман,
двоих из тех, кто выжил*

Сэмюэл Д. Кассов Вступление

Участники группы «Ойнег Шабес» не питали надежд уцелеть, но верили в свою миссию. Они вели битву за память, и оружием их были перо и бумага. Учитель Рингельблюма, историк Ицхок Шипер, сказал в Майданеке собрату по несчастью: об истребленных народах известно лишь то, что соизволили рассказать их убийцы. И участники «Ойнег Шабес» сделали все, что в их силах, дабы не оставлять последнее слово за немцами.

В последние недели и месяцы жизни они утешались мыслью, что однажды их послания отыщут и человечество услышит голос совести. Эти известия потрясут мир, помогут изменить его к лучшему. Когда Рингельблюм попросил Густаву Ярецкую описать облавы на варшавских улицах в 1942 го-

ду, она выразила надежду, что ее слова «вставят не палку, а целое бревно в колесо истории»¹ и ужасы, которые она видела, никогда не повторятся. В августе 1942 года семнадцатилетний Давид Грабер написал в своем последнем свидетельстве перед тем, как устроить первый тайник с архивом: «Мы схороним в земле то, о чем не смогли прокричать, прорыдать миру... Хотел бы я увидеть тот миг, когда это великое сокровище откопают и оно огласит миру правду. Чтобы мир узнал обо всем. Чтобы порадовались те, кто не дожил, а мы почувствовали бы себя ветеранами с медалями на груди. Мы стали бы отцами, учителями и наставниками будущего»².

Можно смело сказать, что надежды Давида Грабера так и не сбылись. Сплоченная группа соратников, которую удалось создать Рингельблюму, не стала «учителями и наставниками» будущего. Даже в 1970–80-е, когда о Холокосте заговорили, об архиве почти не вспоминали. Прошло немало времени, прежде чем сочинениями «Ойнег Шабес» наконец заинтересовались читатели и исследователи. Но все равно до конца 1980-х работ по этой теме появлялось очень мало. Даже сейчас история «Ойнег Шабес» широкой публике прак-

¹ [Gustawa Jarecka] «The Last Stage of Resettlement Is Death» // To Live with Honor and Die with Honor: Selected Documents from the Warsaw Ghetto Underground Archives «O. S.» (Oneg Shabbath). Jerusalem: Yad Vashem, 1986, 704. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.*

² Kassow S. D. Who Will Write Our History? Emanuel Ringelblum, the Warsaw Ghetto, and the Oyneg Shabes Archive. Bloomington: Indiana University Press, 2007, 3.

тически неизвестна.

Почему же так случилось?

Прежде всего, надо понимать, что немцы истребили миллионы польских евреев, которые лучше всех поняли бы дух и стремления «Ойнег Шабес» – многоязыких читателей, в равной степени владевших идишем, ивритом и польским. Даже потерпев поражение, Гитлер все-таки выиграл войну против восточно-европейских евреев, которых нацисты особенно ненавидели как биологический и культурный костяк мирового еврейства. До Второй мировой войны ни одна еврейская община не обладала таким национальным самосознанием и не подарила миру так много произведений культуры, как польские и литовские евреи, и это несмотря на растущие политические и экономические сложности – даже, пожалуй, вопреки им. «Ойнег Шабес» стал продолжением этой довоенной культурной традиции, в которой еврейские историки были передовыми бойцами, защищавшими честь евреев и отстаивавшими их права оружием своего ремесла.

Рингельблюм и «Ойнег Шабес» черпали вдохновение в довоенной деятельности Исследовательского института идиша (YIVO), основанного в 1925 году в Вильно. Институт призывал евреев знакомиться со своей историей, собирать документы, создавать архивы, которые позволили бы эту задачу решить. Народу без армии и государства в особенности необходимо самосознание и самоуважение. YIVO хотел изучать евреев как живую общину, и делать это на идише, языке

народных масс. Важным считалось все, что имело отношение к евреям: их история, их фольклор, их кухня, их юмор, как они воспитывают детей, какие песни поют. Свободный от ограничений традиционной науки, YIVO объединил различные дисциплины: психологию, историю, фольклористику, лингвистику, литературоведение, и все это для того, чтобы изучать жизнь всей еврейской общины, а не только историю элиты – раввинов и интеллектуалов. YIVO объединил ученых и простых евреев. Такая история, написанная народом и для народа, на основе изучения прошлого и настоящего закладывала основу лучшего будущего.

До 1942 года, когда леденящие душу слухи о массовых убийствах подтвердились, «Ойнег Шабес» во многом продолжала в Варшавском гетто дело YIVO – собрание («замлен» на идише) как национальную миссию, осуществляемую общими усилиями. Рингельблюм писал в очерке об архиве, что стремится изучить всевозможные аспекты жизни польских евреев во время войны. Тут не было мелочей, и ничем нельзя было пренебречь. Ни хорошим, ни плохим: взыскательность и моральное разложение соседствовали с порядочностью и самопожертвованием, протекционизм и классовый конфликт – с великодушием и взаимовыручкой. То, что евреи узнали о себе, после войны должно было помочь им восстановиться как общине, определить, кто из лидеров не справился с задачей, отдать должное стойкости своего народа, переосмыслить непростые, но важные отношения с сосе-

дями-поляками.

Рингельблум полагал, что в архиве необходимо накапливать как можно больше сведений в реальном времени. Ведь в гетто жизнь менялась стремительно, и почти всегда к худшему. То, что еще сегодня казалось важным, завтра уже могло позабыться. Поэтому Рингельблум настаивал, чтобы собиратели архива сосредоточились на происходящем здесь и сейчас, «работали не покладая рук» и писали «так, словно война уже завершилась»³.

Рингельблум хотел, чтобы архив вошел в микрокосм жизни гетто, в общину каждого двора, в каждый домовый комитет. Он стремился уловить пульс еврейской жизни, течение еврейского времени.

То, что попало в архив на первом этапе его формирования, оказалось бы безнадежно забыто, промедли Рингельблум хотя бы полгода. «Реальное время» – это время, пока община еще жива, голоса не смолкли, шутки не притупились. Собрание еврейского фольклора Шимона Хубербанда, относящееся к самому началу оккупации, – анекдоты, мессианские упования, рассказы – основной пример того, как работал метод YIVO. Как и проведенное Перецем Опочиньским исследование одного-единственного двора, обитатели которого, простые евреи, похожие на персонажей довоенного романа на идише, сплетничали, переругивались, делились слухами и выживали как могли. Талантливый молодой поэт

³ См. очерк Рингельблума «Ойнег Шабес» в этом издании.

Владислав Шленгель, писавший по-польски, в стихотворении «Телефон» передал ощущение заброшенности и отчуждения, которое пережил в гетто: он не говорил на идише, в отличие от большинства евреев, но и соседи-поляки, люди одной с ним культуры, относились к нему неприязненно и ничем не помогали.

К середине лета 1941 года перипетии 1939-го и 1940-го могли показаться детской забавой. Жизнь в гетто становилась все тяжелее, и бесплатные столовые лишь ненадолго отсрочили голодную смерть тех, кому не на что было купить еду. Арке, персонаж Лейба Голдина отслеживает этот процесс час за часом, минута за минутой, – ожесточенную борьбу меж одержимостью голодом и не до конца исчезнувшим чувством человечности, сохранившимся в письменной речи. Голдин и Опочиньский писали вплоть до часа «Ч», то есть начала массового истребления; сочинения Хаима Каплана и рабби Калонимуса Шапиро отражают медленный переход от слухов к ужасной реальности, которая весной 1942 года поглощала всё больше и больше евреев. Каплан мучается из-за страшных вестей из Люблина, Шапиро объясняет ученикам, что в их страданиях нет их вины. Бог не наказывает их за грехи: Он скорбит вместе с ними. Сказал бы раввин из Пясечно это в 1939-м? Едва ли. Но к июлю 1942-го он уже понял, что стал очевидцем событий, не имевших прецедентов в еврейской истории.

Когда в 1942 году началось массовое истребление евреев,

в деятельности «Ойнег Шабес» наступил переломный момент. Большинство участников группы погибли, а те, кто выжил и вернулся домой, не застал там никого из близких. Летом 1942 года Рингельблюму давалось с трудом каждое предложение, не то что очерк. Но каким-то чудом работа архива не прервалась. Горстка соратников Рингельблюма, затравленных, измученных, продолжала описывать высылки, собирала рассказы о концлагерях, переправляла сведения в Лондон и даже изучала травмированную и раздробленную еврейскую общину, уцелевшую в гетто после того, как в сентябре 1942 года завершилась первая волна депортаций. Осенью 1942-го Рингельблюм, восстановив душевное равновесие, искал ответы на мучительные вопросы. Были ли еврей-полицай и агенты гестапо несущественным исключением из правил – или же следствием морального разложения, начавшегося в общине задолго до войны? И как, спрашивал Рингельблюм, немцам удалось отправить на смерть почти триста тысяч евреев – почему те не сопротивлялись?

Выжившие авторы «Ойнег Шабес» всматривались в бездну в поисках слов, способных передать то, что они видели и чувствовали. В «Вещах» Шленгеля описано, как неумолимо затягивается удавка, как сжимается пространство, как неуклонно нищают некогда состоятельные евреи – и как едут в последний путь в вагоне для скота. Когда 275 000 евреев отправляли в Трешлинку, Иешуа Перле оказался одним из «везунчиков», не подлежащих депортации, и получил номер

4580. Имена исчезли, остались лишь номера. Горькая ирония, самобичевание, яростный гнев на юденрат, возмущение поведением соплеменников – все это слилось воедино в беспощадном монологе: автор явно знает, что угодил в ловушку, из которой выхода нет. В «Изкор, 1943 год» Рахель Ауэрбах ищет точные слова, чтобы описать не только убитых евреев, но и убитый город. И ей остается лишь обратиться к молитве из детских воспоминаний.

Перле. Ауэрбах. Опочиньский. Шленгель. Почему же прошло столько лет, прежде чем их перевели и прочли?

Одна из причин заключается в том, что после войны коллективную память еврейской общины о Холокосте куда больше интересовали духоподъемные рассказы о вооруженном сопротивлении или горестные рассказы о массовом мученичестве, чем подлинная история. И было отнюдь не легко иметь дело со сложным, изобиловавшим нюансами архивным наследием, пытавшимся передать еврейскую жизнь во всех ее хитросплетениях – такой, какой она и была. Большинство материалов, собранных «Ойнег Шабес», в ретроспективе казались чересчур прозаическими, или чересчур спорными, или неприемлемыми. Интерес YIVO к еврейской повседневности почти не находил отклика в послевоенном Израиле или Америке. Кому интересны бесплатные столовые, шутки, дворы Варшавского гетто? Кто хотел знать о ненависти одних евреев к другим или прочесть постыдную историю еврейской полиции в Варшавском гетто?

И если в материалах военного времени отразились гнев и злость, которые одни евреи питали к другим, после войны евреи предпочли забыть об этом и сосредоточить внимание на борцах. В Израиле, новом еврейском государстве, сложилась сага о еврейском сопротивлении в лесах и гетто — эта сага спасала честь еврейского народа и восстанавливала значимое звено в исторической цепи событий, приведшей от изгнания к независимости.

Несправедливо было бы утверждать, будто бы мужчины и женщины, входившие в «Ойнег Шабес», отказались от вооруженного сопротивления. Вовсе нет. И гордость за первые выстрелы в нацистов в январе 1943 года, столь драматично описанные в «Контратаке» Шленгеля, совершенно искренна. Действительно, в период с сентября 1942-го по апрель 1943-го настрой уцелевших варшавских евреев существенно изменился, появилась готовность к сопротивлению, и Рингельблюм писал об этом. Варшавское гетто оказалось единственным (из крупных), где простые обитатели поддерживали борцов. В Вильно и Белостоке такого не было. Без семисот пятидесяти с лишним бункеров, выстроенных «простыми евреями» в Варшавском гетто, вооруженное восстание подавили бы за день. Рингельблюм в последние месяцы жизни отдал должное памяти Мордехая Анелевича, погибшего командира Еврейской боевой организации, равно как и доблести и отваге его заклётых политических врагов, ревизионистов из Еврейского воинского союза.

Тема сопротивления – лишь малая толика наследия «Ойнег Шабес». Если бы отыскался третий тайник, устроенный в апреле 1943 года, наверняка в нем обнаружались бы бесценные материалы о том, какие настроения владели евреями из Варшавского гетто, когда они готовились к решающему сражению. Но и несмотря на эту утрату, Рингельблюм и «Ойнег Шабес» помогают нам понять, сколько евреев на самом деле участвовало в вооруженном сопротивлении. Большинству евреев, даже признававших его героизм, этот путь представлялся неприемлемым, и не следует судить польских евреев лишь по тому, принимали они участие в боях или нет. Главное, о чем свидетельствует архив, – сопротивлением были и взаимопомощь, и бесплатные столовые, и нелегальные школы, и сам архив. И считать, что помнить следует только тех, кто участвовал в вооруженном сопротивлении – значит оказывать им медвежью услугу.

В «Изкор, 1943 год», написанном через несколько месяцев после восстания, Рахель Ауэрбах не упоминает вооруженное сопротивление. Она начинает с образа разрушительного горного потока, который неудержимо уносит растерянных жертв, и заканчивает молитвой за усопших. Она с уважением и сочувствием описывает общину, прекрасную в своем величии. Десятилетия спустя эту мысль наконец-то готовы услышать.

Хронология

1 сентября 1939 Германия нападает на Польшу, начинается Вторая мировая война.

1 октября 1939 Войска вермахта входят в Варшаву.

7 октября 1939 Адам Черняков назначен главой варшавского юденрата.

26 октября 1939 На территории Польши создано генерал-губернаторство под управлением Германии.

28 октября 1939 Согласно официальной переписи, проведенной юденратом, в Варшаве проживают 359 827 евреев.

14–19 ноября 1939 В Варшаву из Лодзи приезжает поэт и драматург Ицхок Каценельсон, пишущий на иврите и на идише.

Декабрь 1939 Все варшавские евреи старше 12 лет обязаны носить на правой руке белую повязку с голубой звездой Давида.

26 января 1940 Евреям в генерал-губернаторстве запрещено ездить по железной дороге.

1 апреля 1940 По приказу оккупационных властей варшавский юденрат начинает возводить стены вокруг «района, находящегося под угрозой эпидемии».

Май 1940 Эммануэль Рингельблюм начинает отбор участников для своего подпольного архива.

14 июня 1940 Париж сдается нацистам: немецкая армия

без боя занимает город. Возле Освенцима организуют лагерь для польских политзаключенных.

23 июля 1940 В Кракове выходит первый выпуск *Gazeta Żydowska*, «Еврейской газеты», официальной газеты всех гетто в генерал-губернаторстве.

Конец сентября 1940 На улицах Варшавы появляются трамвайные вагоны только для евреев: на обоих бортах надпись *Nur für Juden* – «Только для евреев» – и желтая звезда Давида.

Октябрь 1940 Варшавским евреям запрещено покидать дома с 7 часов вечера до 8 часов утра.

16 ноября 1940 Варшавское гетто огорожено стеной. В 1483 домах теснятся почти 400 000 евреев.

Ноябрь 1940 Архив «Ойнег Шабес» начинает работу.

6 декабря 1940 В театре «Эльдорадо» на улице Дзельной, дом № 1, проходит премьера ревю на идише *In redl* («В кольце»).

15 января 1941 Варшавский юденрат принимает на себя доставку почтовых отправок вместо немецкой почты.

Март 1941 Население Варшавского гетто достигает 460 000 человек.

14 и 19 апреля 1941 Проходят памятные вечера в честь 26-й годовщины со дня смерти И.-Л. Переца.

Май 1941 Празднование 100-летнего юбилея со дня рождения основателя театра на идише Аврома Гольдфадена.

15 мая 1941 Немецким комиссаром по делам Варшавско-

го гетто назначен Хайнц Ауэрсвальд.

22 июня 1941 В рамках операции «Барбаросса» Германия нападает на Советский Союз; за регулярными войсками следуют айнзацгруппы – специальные части, которые начинают систематическое уничтожение евреев. Молодежное сионистское движение «Дрор» выпускает пьесу Ицхока Каценельсона «Иов: библейская трагедия в трех актах» тиражом около 150 экземпляров.

26 июля 1941 Памятное собрание, посвященное шестой годовщине смерти Хаима Нахмана Бялика, поэта, писавшего на иврите.

Июль – август 1941 В Варшавском гетто свирепствует эпидемия тифа, в месяц умирает около пяти тысяч человек.

Сентябрь 1941 В кинотеатре «Фемина» с большой помпой открывается первый «Месяц ребенка», организованный «Центральным обществом заботы о сиротах» (*Centos, Centralne Towarzystwo Opieki nad Sierotami*) под девизом «Дети – наша святыня».

13 сентября 1941 Собрание, посвященное третьей годовщине со дня смерти И. М. Вайсенберга, писавшего на идише и по-польски.

4 октября 1941 Первое из многих собраний в связи с 25-й годовщиной со дня смерти Шолом-Алейхема.

23 октября — 21 декабря 1941 Площадь Варшавского гетто сокращают, 75 000 евреев вынуждены переехать.

17 ноября 1941 В Варшавском гетто публично казнят

восьмерых евреев, нелегально вышедших за его границы, в так называемую арийскую часть города.

Декабрь 1941 В Хелмно начинается массовое уничтожение евреев в газенвагенах; Соединенные Штаты вступают в войну.

Январь 1942 Под руководством Эммануэля Рингельблюма, Менахема Линдера и Липе Блоха «Ойнег Шабес» начинает претворять в жизнь «двухсполовинойлетний план».

Февраль 1942 В Варшавское гетто пробирается сбежавший из лагеря смерти в Хелмно Шладек Файнер, и участники «Ойнег Шабес» записывают его свидетельство.

Март 1942 В кофейне «Штука» начинаются представления «Живого дневника», польского сатирического ревю, которым занимается Владислав Шленгель; в Варшавском гетто формируется антифашистское подполье (впоследствии – Еврейская боевая организация).

22 марта 1942 Хаим Каплан фиксирует первые слухи о массовой высылке евреев из люблинского гетто; 17 апреля он записывает слух, что всех их «сожгли электричеством»: так началась операция «Рейнхардт».

Ночь с 17 на 18 апреля В ходе первой акции устрашения в Варшавском гетто нацисты убивают 52 случайных прохожих, в их числе и экономиста Менахема Линдера.

1 мая 1942 В Варшавское гетто приезжает немецкая съемочная группа для съемок антиеврейского пропагандистского фильма.

30 мая 1942 В кинотеатре «Фемина» дают представление дети из всех районов гетто. Участники «Ойнег Шабес» слушают рассказ адвоката из Львова об истреблении евреев во Львове и всей Восточной Галиции.

26 июня 1942 На основе материалов «Ойнег Шабес» на радиостанции «Би-би-си» выходит передача об уничтожении польских евреев.

18 июля 1942 Воспитанники «Дома сирот» Януша Корчака ставят пьесу «Почта» Рабиндраната Тагора.

21 июля 1942 В Варшавском гетто начинается великая депортация; 24 сентября с умшлагплац уходит последний поезд в Трешлинку; среди депортированных – Лейб Голдин, Шимон Хубербанд и Хаим Каплан.

22 июля 1942 Запланированная премьера комедии в трех актах *Droga do szczęścia* («Путь к счастью») с участием Дианы Блуменфельд так и не состоялась; больше в Варшавском гетто спектаклей не ставили.

23 июля 1942 Адам Черняков, глава варшавского юденрата, сводит счеты с жизнью; следом за ним совершает самоубийство инженер Марек Лихтенбаум.

28 июля 1942 В Варшавском гетто создается Еврейская боевая организация (*Żydowska Organizacja Bojowa, ŻOB*).

3 августа 1942 Израиль Лихтенштейн с двумя помощниками прячет первую часть архива «Ойнег Шабес» в доме № 68 по улице Новолипки, в подвале школы, где он преподавал; в архиве, помимо прочего, свыше трехсот работ его

жены, художницы Гели Секштайн.

28 августа 1942 Участники «Ойнег Шабес» записывают свидетельство Давида Новодворского о концлагере Треблинка.

6–10 сентября 1942 «Дос кесл» («Котел»), самые тяжелые дни великой депортации.

Октябрь 1942 Еврейская боевая организация реформируется: теперь в нее входят участники большинства молодежных организаций гетто.

18 января 1943 В Варшавском гетто начинается вторая акция по депортации, спровоцировавшая первое вооруженное сопротивление; в бою гибнет Авраам Левин; Переца Опочиньского вместе с пятью тысячами других евреев увозят в Треблинку.

2 февраля 1943 Гитлеровская армия терпит поражение под Сталинградом.

Февраль 1943 Эммануэль Рингельблюм с семьей прячется в «арийской» части Варшавы, но накануне восстания возвращается в гетто.

Конец февраля 1943 В подвале дома № 68 по улице Новолипки закапывают два молочных бидона со второй частью архива «Ойнег Шабес».

9 марта 1943 Рахель Ауэрбах перебирается из гетто в «арийскую» часть города.

19 апреля 1943 Вошедшие в Варшавское гетто нацистские войска наталкиваются на вооруженное сопротивление

Еврейской боевой организации; начинается восстание.

Апрель 1943 Возле мастерской по производству щеток (улица Свентоерская, 34) закапывают третью часть архива «Ойнег Шабес»; Израиль Лихтенштейн, Геля Секштайн и Владислав Шленгель погибают во время восстания.

16 мая 1943 Генерал СС Юрген Штроп отправляет Гиммлеру 125-страничный рапорт, озаглавленный *Es gibt keinen jüdischen Wohnbezirk in Warschau mehr!* («Еврейского района в Варшаве больше нет!»); в ознаменование своей победы нацисты взрывают Большую синагогу на Тломацкой улице.

1 октября 1943 В числе 1800 евреев из Бергена-Бельзена в plombированных вагонах в Аушвиц доставлены Иешуа Перле и его сын Лолек; в тот же день их отправляют в газовую камеру.

3 ноября 1943 В ходе ликвидации заключенных в концлагере Травники убит рабби Калонимус Калман Шапиро; в концлагере Понятова в ходе ликвидации убит Йозеф Кирман; нацисты называют этот день *Aktion Erntefest*, «Операция “Праздник урожая”».

7 марта 1944 Нацисты нашли бункер, в котором прятался Рингельблюм с семьей, и через три дня расстреляли всех его обитателей на руинах Варшавского гетто.

30 апреля 1944 Из французского лагеря для интернированных Дранси в Аушвиц прибывает поезд с Ицхоком Кацнельсоном и его сыном Цви; в тот же день они погибают в газовой камере.

18 сентября 1946 Поисковая команда во главе с Хершем Вассером обнаруживает первую часть архива «Ойнег Шабес».

1 декабря 1950 В ходе работ по восстановлению города на территории бывшего гетто выкапывают два молочных бидона – вторую часть архива «Ойнег Шабес». Третью часть архива так и не нашли.

Дэвид Г. Роскис

Предисловие

1 января 1915 года, в ту пору, когда охватившая Европу война поглощала страну за страной, трое известных еврейских писателей, И.-Л. Перец, Яков Динезон из Варшавы и С. Ан-ский⁴ из Петрограда, опубликовали это страшное предостережение для соплеменников:

Горе тем народам, чью историю пишут руки чужаков и чьим писателям после этого не останется ничего иного, кроме как сочинять погребальные песни, молитвы и плачи.

Поэтому мы обращаемся к нашему народу, который сейчас и всегда втягивают во всемирный водоворот, к каждому из наших соплеменников, к мужчинам и женщинам, к старым и молодым, к тем, кто живет и страдает, кто видит и слышит, со следующим призывом:

*Пишите историю сами! Не полагайтесь на чужаков! Записывайте, регистрируйте, собирайте!*⁵

⁴ Семен Акимович Ан-ский (наст. имя Шлоймэ-Занвл Раппопорт, 1863–1920) – еврейский писатель, поэт, драматург, общественный и политический деятель. Ицхок-Лейбуш Перец (1852–1915), Яков (Янкель) Динезон (1856?–1919) и С. Ан-ский были ключевыми фигурами еврейского культурного возрождения на идише, иврите и русском. – *Примеч. ред.*

⁵ A[bramovich] D[ina] Oyfruf // YIVO-bleter, 26. 1952, 351.

Все важные документы и фотоснимки следовало пересылать (если нужно, наложенным платежом) в петроградское Еврейское историко-этнографическое общество.

Евреи Восточной Европы оказались уязвимы втройне. Проживая скученно в местечках и городках вдоль линии Восточного фронта, они попали во враждебные лагеря – во всяком случае, так их воспринимали воюющие стороны. Местное население смотрело на них с ненавистью и подозрением. К кому же евреи могли обратиться в минуту нужды? Не к раввинам и богословам, которые на любую напасть упорно отвечали одно: нужно молиться Богу Израиля. Скорее, евреям стоило бы прислушаться к призыву своих светских писателей, которые вот уже полвека пытались вдохновить их на перемены: из традиционного религиозного народа превратиться в современную нацию.

Перец, Динезон и Ан-ский настаивали на смене парадигмы, на революции в историческом сознании, развивавшейся с начала XX века. Некогда евреям довольно было и переосмысления настоящего сквозь призму священного мифического прошлого. Но с появлением еврейской прессы, еврейской науки, современных еврейских школ, обществ еврейской музыки и этнографии, еврейских политических партий – правых, центристских, левых, и – особенно – яркой светской литературы (прозы, поэзии, драматургии) исторические исследования дали возможность заново определить суть еврейского бытия. Чтобы вершить историю, ее необхо-

димо знать. Дерзкий новый нарратив об идеальном человеке в идеальных времени и месте помог бы изменить политическую судьбу еврейского народа, особенно в годину испытаний.

А значит, евреям следовало обратиться не к писателям, а к самим себе: обычным мужчинам и женщинам, старым и молодым, членам подвергающегося гонениям меньшинства, которое не может не понимать настоящей необходимости вести хронику катастрофы в реальном времени. И, уж конечно, они не должны полагаться на милость чужаков, то есть врагов Израиля, которые не преминут очернить евреев и наверняка выстроят против них целую «фабрику лжи и фальсификаций»⁶. Если не будет свидетельств того, что во время войны евреи страдали, мучились, жертвовали собой, – предостерегали трое подписантов – после войны для евреев не найдется места за столом переговоров о реституциях, и ничто не сдержит новую волну дискриминации и гонений.

И хотя Первая мировая война была еще в самом начале, для объективного описания вершащейся катастрофы было уже слишком поздно. Еврейская Варшава выбивалась из сил, пытаясь помочь тысячам наводнивших город беженцев из местечек и городков, и Перец, трудившийся в самой гуще этого движения помощи пострадавшим, добываясь увеличения числа бесплатных столовых, сиротских приютов, детских образовательных учреждений, в апреле скончался от

⁶ A[bramovich] D[ina] Oyfruf // YIVO-bleter, 26. 1952, 351.

сердечного приступа; ему было шестьдесят четыре года. В июле царское правительство закрыло все еврейские газеты, ввело строжайшую цензуру новостей с фронта, запретило использовать в письмах древнееврейский алфавит. А в августе Германия захватила Варшаву.

2 ноября 1917 года министр иностранных дел Великобритании Артур Джеймс Бальфур в официальном письме барону Ротшильду сообщил, что «Правительство Его Величества благосклонно смотрит на создание в Палестине национального государства для еврейского народа», и часы истории начали новый отсчет. Под ближневосточным солнцем нашлась, по словам Теодора Герцля, «старая новая земля», которую можно было избавить от мифического прошлого. Через пять дней⁷ власть в Петрограде захватили большевики, положив начало долгожданной революции в России, а следом и по всему миру. А когда мировая война наконец закончилась, на Парижской мирной конференции была официально принята концепция прав меньшинств, защищавшая национальную и культурную независимость евреев и других этнических меньшинств. В 1919 году евреям не просто предоставили место за столом переговоров о послевоенных реституциях – отныне они были вольны переосмыслить прошлое и придумать себе новое будущее.

Среди национальных государств, подписавших договор,

⁷ Здесь и далее автор приводит все даты по григорианскому календарю. – *Примеч. ред.*

была и возрожденная Польская Республика. Это были трудные годы и для Польши, только-только отделившейся от империи, и для польских евреев, вырвавшихся за пределы штетлов, средневековых торговых местечек, которые евреи веками называли своим домом. К концу войны Варшава стала новым центром еврейской культурной жизни, и еще до заключения перемирия в ноябре 1918 года варшавский Союз еврейских писателей и журналистов перебрался на постоянное место – на улицу Тломацкую, 13, по соседству с Большой синагогой. Там-то прозаик Иешуа Перле, писавший на идише, оказался в своей стихии. Веселый, общительный, энергичный, один из лучших сынов еврейского народа, он во всеуслышанье изъяснялся на свободном, щедром на красочные обороты польском идише. Многим запомнились те его выступления на публике, которым покровительствовал, словно олимпийский бог, Ицхок-Лейбуш Перец, – ведь Перле перебрался в Варшаву еще в 1905-м, когда ему было всего-то семнадцать лет. Именно Перец на репетиции пьесы в Еврейском драматическом кружке познакомил молодого человека с талантливой красавицей Сарой, дочерью могильщика, которая стала любовью всей жизни Перле.

А вот двадцатитрехлетний аспирант исторического факультета университета Эммануэль Рингельблюм переехал в Варшаву относительно недавно. Но сразу же проявил себя способным организатором: помог создать Кружок молодых историков, в который со временем вошло сорок участников.

Их работы (как индивидуальные, так и в соавторстве) позволили переосмыслить масштаб, язык и цель исторических исследований. Вместо славной истории древнего Израиля или «золотого века» евреев в Испании они, по примеру Семёна Марковича Дубнова, корифея истории еврейского народа, обратили взоры к современным евреям Восточной Европы. Рингельблюм защитил диссертацию о «варшавских евреях до 1527 года», а впоследствии опубликовал исследование об участии евреев в восстании Тадеуша Костюшко в 1794 году, которое было подавлено российскими войсками. Участники кружка принадлежали к обеим культурам, еврейской и польской, учились в польских университетах, однако для распространения знаний о прошлом они избрали идиш, разговорный язык восточноевропейских евреев, поскольку верили в то, что «историю народа пишет народ». Да и надежд на научную карьеру в польских университетах они не питали. Они были не единственными, кто по-новому подходил к истории, потому что в 1925 году возник Исследовательский институт идиша, YIVO, как независимое учреждение для изучения идиша – сперва в Берлине, потом в Вильно и Варшаве. Вскоре открылись четыре научных отделения: филологическое (изучение языка, литературы и фольклора), экономико-статистическое, историческое и психолого-педагогическое. Рингельблюм работал в YIVO с года его основания и вскоре стал ведущим сотрудником исторического от-

деления⁸.

Десятью годами ранее писатели Перец, Динезон и Анский опубликовали пылкий призыв к простому народу, к коллективному банку памяти. Какой же спонтанной и дилетантской могла показаться эта идея после того, как стали возможны глобальные социально-экономические, демографические, этнографические, лингвистические, литературные, исторические и социально-психологические исследования, а в YIVO открылось и американское подразделение. С появлением YIVO и *Ландкентениш* – движения увлеченных краеведов, которое развивало «познавательный туризм» и призвано было подчеркнуть укорененность евреев в Польше, – сохранение своеобразности и индивидуальности польского еврейства стало делом общественной важности. В 1931 году лингвист Макс Вайнрайх, теоретик и ведущий исследователь YIVO, призвал польских евреев *цу деркениен дем хайнт*, то есть систематически изучать повседневную жизнь. Вскоре Вайнрайх основал Отделение молодежных исследований для междисциплинарного изучения проблем современных еврейских детей и подростков. А поскольку в идише нет слова, обозначающего подростковый возраст, Вайнрайх его придумал. Не существовало никаких документальных свидетельств о жизни еврейской молодежи, поэтому к ней обратились с предложением рассказать о своем опыте, поучаст-

⁸ Kassow S. D. Ringelblum, Emmanuel // YIVO Encyclopedia, по состоянию на 1 января 2017 года, [www.yivoencyclopedia.org / article.aspx / Ringelblum_Emanuel](http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Ringelblum_Emanuel).

вовав в трех автобиографических конкурсах (всего было прислано более шестисот письменных работ⁹). Часы истории завели, и они снова затикали, и еврейская историография пошла в ногу с актуальными научными течениями и самыми насущными нуждами общества.

1 сентября 1939 года разразился блицкриг, ознаменовав начало новой мировой войны. Помимо комендантского часа и бесконечных очередей за хлебом и в органы внутренней безопасности, в гетто сказывалась еще и тактика юденрата, направленная на то, чтобы выиграть время, но эта тактика не помогла предотвратить ни голод, ни депортации. Одни евреи стремились выиграть время, прячась в укрытия, другие – участвуя в сопротивлении, большинству же европейских евреев выиграть время не удалось: для них настало время умирать – в ближайшем ли лесу, в лагере ли с незнакомым названием, – то есть, по сути, конец времен¹⁰. Генерал СС Юрген Штроп в знак победы в тотальной войне с евреями послал Гиммлеру 125-страничный рапорт в кожаном переплете с большим количеством фотографий; на обложке каллиграфическим почерком значилось: *Es gibt keinen jüdischen Wohnbezirk in Warschau mehr!* («Еврейского района в Варшаве больше нет!»). Подробный отчет Штропа (о том,

⁹ См. *Awakening Lives: Autobiographies of Jewish Youth in Poland before the Holocaust*. New Haven, CT: Yale University Press, 2002.

¹⁰ Marrus M. R. *Killing Time: Jewish Perceptions during the Holocaust* // Hasho'ah: Historyah vezikaron: Kovets ma'amarim shai leYisrael Gutman. Jerusalem: Yad Vashem and the Institute of Contemporary Jewry, 2001, 10–38.

как его войска сломили сопротивление вооруженных «еврейских бандитов», как выкурили еврейских бойцов и выживших горожан из подземных бункеров, как спалили гетто дотла) должен был стать последним словом, словом безжалостного врага, какого евреи прежде не знали. Так бы и оказалось, если бы не стремление евреев увековечить память – миссия, так глубоко осознанная и осуществленная вопреки всему. Собрав группу хроникеров, статистиков, экономистов, социологов, общественников, врачей, репортеров, поэтов, фотографов и художников, тридцатидевятилетний Эммануэль Рингельблюм дал жертвам возможность рассказать свою историю от первого лица, в реальном времени, вопреки времени и на все времена.

Таким образом, эта книга черпает литературные и документальные материалы из обширного энциклопедического проекта, не имевшего аналогов: это коллективное свидетельство цивилизации о собственном уничтожении. Европейским евреям к катастрофам было не привыкать, однако на этот раз их выбрали для методичного, поэтапного и полного искоренения, не имевшего ни названия, ни прецедентов. При всем этом в период, который впоследствии назовут Холокостом (1939–1945), многие евреи откликнулись на призыв Дубнова, Переца и Рингельблюма. Они записывали, фиксировали, собирали. Они сотрудничали друг с другом, участвовали в собраниях, сочиняли, дискутировали, протестовали, спорили, делали заявления, произносили речи, учи-

ли молодежь, защищали писателей, интеллигенцию – конечно, насколько тогда это было возможно. Лишь немногие из этих людей уцелели. Из архива Рингельблюма обнаружены 1693 документа общим объемом в 35 тысяч страниц. Сегодня мы можем представить себе людей, оставивших эти бумаги, – благодаря стилистике их заметок, записок, дневников, воспоминаний, последних писем, эссе, очерков, стихов, песен, шуток, новелл, рассказов, пьес, анкет, графиков, научных трактатов, проповедей, школьных сочинений, дипломов, прокламаций, плакатов, фотографий, живописи и графики. Из этого огромного и нестройного хора были выбраны семнадцать голосов, чтобы от первого лица рассказать историю их уничтоженного города, как они увидели ее сами.

Многоголосие

Подпольный архив Варшавского гетто назывался «Ойнег Шабес» («Радость субботы») – по причинам, о которых читатель узнает от его организатора и главного историка, Эммануэля Рингельблюма, чей очерк открывает этот сборник. Рингельблюм набрал участников «Ойнег Шабес» из числа самых социально-активных и преданных своему народу польских евреев, старых и молодых, мужчин и женщин, марксистов и сионистов, верующих и маловеров: они вели хронику всего, что с ними происходило, и сохраняли эти записи во множестве копий. «Мы старались, чтобы как можно

больше людей писали об одних и тех же событиях, – признается Рингельблюм. – Сопоставив различные записи, исследователь без труда отыщет зерно исторической истины».

Но что если мы ищем отнюдь не зерно исторической истины, а скорее множественность истин, откровенные противоречия, полифонию голосов? Описания одного и того же события очевидцами разных возрастов, поколений, общественных классов и идеологических убеждений рождает истину сродни той, которую способна породить лишь великая литература.

В Варшаве, куда стекались все подонки преступного мира, было много евреев-контрабандистов. И как только гетто обнесли стеной, контрабандисты принялись за дело. Однако хроникеры гетто существенно расходятся в оценке их места в еврейской коллективной памяти. Хаим Каплан, учитель иврита и бывший преподаватель Торы, считал их отбросами общества. «Два рода пиявок сосут нашу кровь, – записал он в своем дневнике “Свиток страдания” 7 января 1942 года, – первые – это нацисты, элита элит, *primum mobile*¹¹, творцы той машинерии, что тянет из нас жилы и отправляет на смерть, и плоть от их плоти – евреи-пиявки, порождение контрабанды и спекуляции. И контрабанда неистребима, несмотря на драконовские меры. Ее не сдерживает даже угроза смерти». «Такова человеческая природа, – заключает Каплан, цитируя пророка Исайю. – В критической ситу-

¹¹ Перводвигатель (лат.) – Примеч. ред.

ации лишь крепнет убеждение: “Ешь и пей, ибо завтра мы умрем!”». Позиция Рингельблюма и его сотрудников далека от этого огульного порицания: они усматривали в контрабанде доказательство еврейской гибкости и живучести. «За все время существования гетто контрабанда спасла от голодной смерти четыреста тысяч членов еврейской общины, – пишет Рингельблюм. – Если бы варшавским евреям пришлось выживать на официальном пайке – 180 граммов хлеба в день, – от еврейской Варшавы давным-давно не осталось бы следа». В будущем же «в освобожденной Польше нужно поставить памятник контрабандистам, которые, кстати, вдобавок спасли от голодной смерти и польское население». Рахель Ауэрбах в «Изкор, 1943 год», вспоминая былое, с еще большим пафосом пишет: «Ах, варшавские улицы, чернозем еврейской Варшавы», и среди бесчисленных потерь называет и «уличных торговцев из гетто, контрабандистов из гетто, что заботятся о своих семьях, до конца сохраняя верность и отвагу».

Заметнее всего были дети. На январь 1942-го заточенными в гетто оказались без малого 50000 детей школьного возраста (почти поровну мальчиков и девочек), в том числе 10000 детей беженцев и депортированных. Осиротевшие, беспомощные, больные, брошенные дети слонялись по запруженным улицам гетто, и было их так много, что в феврале 1941 года Центральное общество заботы о сиротах решило открыть центры дневного пребывания специально для

беспризорников, малолетних нищих и преступников¹². Дети, вынужденные сами добывать пропитание, дети с изнуренными лицами и изможденными телами, напоминающие старичков, мелюзга, способная пробираться по трубам водостоков и канализации, чтобы протащить в гетто пищу, – тема острая и страшная. В песнях, стихах, очерках их представляют с двух противоположных позиций: как обвинение общине в целом, доказательство краха еврейской солидарности, бессилия и бездеятельности евреев, с одной стороны, и как доказательство еврейской верности, стойкости и безграничной отваги – с другой.

Варшавская художница Геля Секштайн рисовала детей с тех самых пор, как впервые взяла в руки карандаш и кисть. Первая ее персональная выставка должна была называться «Портрет еврейского ребенка», но так и не состоялась: началась война. На всех рисунках Секштайн позируют в интерьере нарядно одетые, умненькие, задумчивые, нерелигиозные еврейские мальчики и девочки (у девочек часто в руках кукла, а в волосах бант). Большинство совсем непохожи на евреев. В гетто Секштайн продолжала рисовать портреты, она изобразила и свою спящую новорожденную дочь Марголит; но теперь Секштайн рисовала забинтованных, голодающих, избитых детей. В своем завещании, спрятанном вместе со всеми ее работами, она передает эти рисунки «еврейскому

¹² Engelking B., Leociak J. The Warsaw Ghetto: A Guide to the Vanished City. New Haven, CT: Yale University Press, 2009, 317, 326, 344. *Далее* – Guide.

музею, который непременно будет организован, дабы воссоздать довоенную еврейскую культурную жизнь до 1939 года и изучить страшную трагедию еврейской общины в Польше во время войны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.